

Для цитирования: Деленян А. А. Система глобального капитализма и ее анализ // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С. V–XVII.

СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА И ЕЕ АНАЛИЗ

(размышления над книгой А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал»)

А. А. Деленян

Несколько лет назад я вел занятия по курсу «Политическая экономия». В качестве основной литературы кроме учебника Н. А. Цаголова (1974) в курсе была предложена книга А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал». Поэтому пришлось прочитать этот объемистый труд, естественно, с замечаниями *pro et contra*. Эти замечания, в основном критического характера, и вошли в настоящую рецензию, поскольку хвалить авторов за этот гигантский труд будут еще многие, но в чем нуждается исследователь в большей степени, так это в критическом разборе, пусть даже субъективного толка. Материал был написан почти год назад, после завершения учебного курса, а вышедшее в 2018 году уже 4-е издание этой книги стало основанием для систематизации этих замечаний и подготовки текста, который по своему объему и содержанию более адекватен жанру «размышления над книгой», нежели «рецензия».

В качестве достоинства работы авторов «Глобального капитала» следует отметить, что с позиции определения методологии обществоведения, как сказал бы Н. А. Цаголов, они берут творческое наследие марксизма, критически переработанное в XIX–XX вв. и перерабатываемое в настоящее время (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 16).

Произведение А. В. Бузгалина и А. И. Колганова посвящено исследованию структуры современной мировой системы и написано так, как нам хотелось бы, чтобы строились теории, но они так никогда не строятся. Социальные системы обычно критикуют за то, что они не дают сначала плана работы, методологических основ исследования. Можно по этому поводу процитировать К. Маркса, отметившего, что плохой архитектор тем отличается от хорошей пчелы, что вначале строит план здания. Можно, правда, и поехидствовать — и как много действительно архитектурных совершенств вокруг нас? А соты по-прежнему если не прекрасны, то прагматично удобны (для пчел, разумеется). Многие ли архитекторы могут этим похвастаться? А среди них любителей новых решений тоже немало.

Двухтомный труд Бузгалина и Колганова начинается с вопросов методологии. Это давняя мечта наших авторов — создать нечто похожее на периодическую систему Д. И. Менделеева. Его система хороша тем, что в отличие от социальных систем Аристотеля, Гегеля и многих других — она несовершенна, неполна. Но в этом и ее прелесть. Принципы, заложенные в ней, позволяют предвосхищать новые элементы, которых люди не знали, когда система создавалась. И эта проектная функция может оказаться полезной для исследователей общества, как система Менделеева — для химиков.

Почему так не поступали предшественники Бузгалина и Колганова? Ответ прост. Методология исследования создавалась параллельно созданию теории. Теории, как правило, создавались с крыши, а не с фундамента, как поступает современный архитектор. Иначе говоря, чтобы поступать, как архитекторы, методология исследования должна быть авторам известна. Ею надо пользоваться. Однако дело и не обстоит так, что методологию не следует дорабатывать. Речь идет о марксизме как системе и его использовании в качестве основы теоретических систем. Она известна в том смысле, что есть «Капитал». Маркса, выстроенный по определенным принципам. Эту методологию можно вычленить, как было сделано, например, в «Комментариях к «Капиталу» К. Маркса» Д. И. Розенберга¹, дорабатывать, чем занимались многие исследователи, среди них

¹ Интересная вещь Интернет. Я еще помню, что книги Д. И. Розенберга «Комментарии к «Капиталу» К. Маркса» были изданы в 1934 году, а Интернет выдает только издание 1984 года, предпринятое, поскольку старое издание в библиотеке стало нечитаемым от пользования студентами, и изданное под редакцией Н. А. Цаголова. Кстати, в подготовке издания принимали участие и авторы «Глобального капитала».

можно назвать имена советских ученых Э.В. Ильенкова (2012), Н.А. Цаголова¹, Н.В. Хессина (1964) и др.

Итак, какова же методология исследования авторов книги, вышедшей уже третьим изданием, и чему посвящен первый том «Глобального капитала»?

В качестве исследовательского инструментария авторы поставили перед собой задачу реактуализации и «перезагрузки» методологического наследия Маркса. Иначе говоря — провести ревизию наследия и использовать то, что сохраняет свою актуальность и требует лишь фактического обновления материала, а что устарело и требует критического обновления. Систематизации этих положений и посвящен первый том.

Авторы признают себя сторонниками «ильенковского» направления в области методологии, воспроизводя реперные точки метода восхождения от абстрактного к конкретному и историко-генетического подхода, иначе говоря, диалектического и исторического материализма и цаголовской школы политической экономии в его рамках. При этом авторами «Глобального капитала» в первом томе диалектический метод применительно к трансформационным процессам был расширен за счет исследования прогрессивных и регрессивных изменений. Ими показано, что состояние производительных сил переросло капиталистический общественный строй, но оказалось недостаточным для всесторонней переработки экономических и надстроечных отношений. Ситуация напоминает время приезда А. Смита во Францию в 1764 году. Капитализм в Англии был в открытой форме и политически подкреплен властью парламента, хотя буржуазия в нем еще не господствовала. Но во Франции вообще капиталистические процессы протекали в условиях политического абсолютизма, тем не менее, и там развивался капитализм.

Кроме общеизвестных в настоящее время принципов, таких как необходимость начала анализа с простейшего противоречия формы общественного производства и завершения наиболее сложными, то есть метода восхождения от абстрактного к конкретному, в двухтомнике есть по этому поводу такое существенное уточнение, как нелинейность исторического развития, предполагающая не только разграничение на революционные и эволюционные формы развития, но и на эволюцию и инволюцию. Под последней понимается возможность исторического движения вспять, реверсивный ход. Заметим, однако, что подобное реверсивное развитие предполагает, что существует некая идеальная модель роста, по сравнению с которой и будет производиться оценка прогрессивности или регрессивности исторических изменений. Конечно, рассматривая развитие обществоведения (то есть комплекс общественных дисциплин), отмечаем, что, например, войны, другие факторы, приводящие к разрушению сложных общественных форм, приводят к появлению старых общественных институтов, выполняющих теперь те же функции, которые они были призваны исполнять много лет или веков тому назад. Можно сослаться в этом случае на отношения вождизма. Войны обычно приводят к уничтожению производительных сил, и первыми жертвами войн бывают демократические институты, и тут наряду с общей централизацией воспроизводятся старые государственные и протогосударственные формы. Именно под углом подобного рассмотрения производятся в работе такие оценки, как «тупиковая ветвь», инволюции в общественном развитии.

Однако вопросы по данному пункту методологии сохраняют свою актуальность. Например, в свое время у идеологов Просвещения был взгляд на все средневековье как на темные века европейского развития. В настоящее время есть понимание, что от вершин философского сознания античности нет непосредственного перехода к демократическому строению современной Европы. Общество — сложная система, и возможные «забегания вперед» в плане сознания должны были дополниться созревaniem волевых отношений: религии и есть первые волевые институты общества (а не его части, как в случае с вождистскими институтами), объединяющие Европу на столетия наряду с латинским языком и римским правом образованного общества.

Поэтому это не более чем оценочная характеристика, как в экономикс «командная экономика», рассматриваемая через призму идеала — совершенной конкуренции. Авторы правильно отмечают именно такое понимание модели совершенной конкуренции в рамках экономикс. Другое дело, что тупиковый характер фашизма, например, обосновывается античеловечным характером последнего. Привлечение вождистских отношений на уровне нации в целом — такой

¹ Курс политической экономии: в двух томах / под ред. Н. А. Цаголова. — Изд.3-е. — Т. 1. — М.: Экономика, 1973; Т. 2. — М.: Экономика, 1974; Цаголов Н. А. Вопросы методологии и системы политической экономии — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

же «тупик», как рабство в южных штатах Северной Америки в XIX веке. С точки зрения либералов нехорошо. А с точки зрения практиков — зато рентабельно, что знала зеленоглазая Скарлетт в «Унесенных ветром», как применение того же рабства. Рабство, не совсем в классических формах (где их найти?), применялось в СССР в системе ГУЛАГа, в современных условиях России, на Украине и т. д. Очень показательно, что Н.А. Цаголов считал, что в споре между А. Смитом, считавшим вольный труд более эффективным, и Ж.Б. Сэем, защищавшим тезис о большей выгодности принудительного труда, Сэй был прав¹.

По этому поводу стоит отметить и то обстоятельство, что замечание о том, что концентрированное выражение достижений цаголовской школы представлено в двухтомном «Курсе политической экономии», 3-е издание которого вышло в 1973–1974 гг. (см.: Курс политической экономии: в 2-х томах. Т. I. Досоциалистические способы производства / под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973; Курс политической экономии: в 2-х томах. Т. II. Социализм / под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1974), верно. Но следует сказать и о том, что руководитель коллектива был выше, например, в тезисе об основном экономическом законе социализма, вполне научном, когда, после получения несколько иной интерпретации в концепции «развитого социализма» по сравнению с «социализмом, построенным в основном» (переход от технико-экономических средств реализации высшей цели социализма к социально-экономическим), был поставлен тем самым вопрос о критериях социалистичности в несколько иную плоскость: действует в экономике и обществе данный закон — система социалистическая, в противном случае о системе социализма говорить преждевременно. На этот вопрос Н.А. Цаголов отвечал, что основной экономический закон социализма находился в СССР в конце 70-х — начале 80-х годов в латентном состоянии. Отсюда может следовать (хотя и необязательно) отрицательный вывод и о системе социализма. Но этот вывод принадлежит Н.А. Цаголову, почему он и остался в целом выше своей школы, еще на десятилетие оставшейся в плену официальной доктрины о построенном социализме.

Как известно, отрицательное заключение о построенном социализме дали и исследования экономистов, показавших, что распределение в «социалистическом» обществе подчиняется скорее «распределению Парето», нежели основному экономическому закону.

Однако на каких бы методологических позициях ни находились авторы тех или иных учебников и учебных пособий, правильной картины общественного устройства в СССР дать они не могли. Не могли потому, что главная задача — построение социализма — не подлежала анализу, была табу. Даже сомнение в построенном социализме было официально недопустимым. Но там, где кончалось сомнение, заканчивалась и наука, превращалась в прямую апологетику строя, носящего этикетку «социалистический». А этикетка системы взглядов, гласит старая истина, в отличие от этикеток на обычные товары обманывает часто не только покупателя, но и продавца.

Безусловно, не совсем точно и подлежит редакции признание всякой экономики многоукладной. Данное положение изложено в неудовлетворительной форме, а именно: многоукладность — норма докапиталистического способа производства (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 223–224). Вполне ясно, что сама эта форма является отражением книжного империализма: в действительности так, как изложено в лучших источниках. Сами авторы и постиндустриальную экономику на деле рассматривают содержащей различные уклады. В данном случае слово «норма» могло бы иметь другое содержание — докапиталистические способы производства содержат уклады в открытой форме, но и это не так. Франция эпохи Людовика XV представляла собой страну с развивающимися рыночными (капиталистическими) отношениями, как и родина А. Смита. Другое дело, что развиваются они в латентной форме, скрыты под феодальной оболочкой. Поэтому школа Смита исследует сущность и формы капитализма доиндустриальной эпохи, а школа физиократов — содержание процессов движения капитала. Но, что существенно, для изложения своих идей А. Смиту понадобилось знакомство с физиократами. Совсем другое дело, что включение материала физиократов (таблиц Кенэ) в систему политической экономии требовало осознания места школы физиократов и выявления форм движения капитала, что было сделано лишь К. Марксом.

¹ См. Цаголов Н. А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956. С. 126–127. Дело не только в том, что прав был ученик (Сэй), но и в том, что разговор велся в разных плоскостях: производительность труда и выгодность его применения — разноразмерные категории.

Представляет интерес и заслуживает особого внимания применение диалектического метода к трансформационным состояниям экономики, авторы считают, что многоукладность экономики перерастает в мозаичность социального времени и пространства, исторический процесс из более или менее ламинарного потока перерастает в нелинейные формы с большой зависимостью от «субъективного фактора», то есть возрастающей роли личности. Под этим углом рассмотрены процессы дальнейших изменений в товаре, денежных системах, капитале. В качестве новых качественных изменений товара и рынков рассмотрены современные сетевые структуры и новые технологии, дающие возможность росту накопления капитала, причем не просто в превращенных, а, как их называют авторы, превратных, то есть имеющих степень превращенности, формах. Так, как показано в исследовании, современный капитал приводит к усложнению превратностей — фетишизм товара, денег, капитала, показанные Марксом, приобретают двойную превращенность через симулятивные формы. Возникают рынки симулякров, не имеющих под собой движения реальных благ, виртуальных денег, накопление которых зато приносит реальную долю общественного богатства, возрастание долговых обязательств, ведущее к росту немногих частных богатств.

Особого внимания заслуживает также и исследование причин и последствий господства позитивизма и постмодернизма в общественных дисциплинах, ведущее к отрицанию необходимости глубинных теоретических построений в исследовании и акценту в пользу прагматизма. Авторы доказывают, что это господство проистекает в сущностной степени из индивидуализма

Наконец, еще одно соображение по данному вопросу — общеметодологического плана. Коль скоро авторов так пленила система химических элементов Д. Менделеева, то следует помнить и то обстоятельство, что чистых элементов в природе не существует. Они все рассеяны или, что чаще случается, связаны химически с другими элементами. И если мы хотим получить какие-то значимые объемы вещества, то приходится затратить усилия. С экономическими укладами та же история. Иметь их в чистом виде — давняя мечта реформаторов, на деле никогда не реализуемая, но представление институциональных форм, более или менее однородных, служит основанием для «доказательства» алхимического толка — не только золото можно получать в неограниченном количестве. И любую экономику всегда надо исследовать на предмет укладов, скрывающихся под самыми разнообразными покрытиями, и социальных слоев, их представляющих.

Еще одна интересная особенность касается взаимодействия в обществе и экономике и скорости развития общественных процессов в долгосрочном периоде (века и столетия). Оно происходит тем успешнее, чем в более открытой институциональной форме представлены уклады. Но то же самое происходит в химии: чистые элементы реагируют друг с другом лучше, если есть некоторые «загрязнители», а среди них могут быть и катализаторы, и промежуточные элементы, напрямую в реакции не связанные и т. д.

Авторы представляют дело таким образом, что Россия большую часть исторического времени находится в трансформациях, в отличие от Китая, где азиатская деспотия, и США со стабильными порядками (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 301). Думается, это преувеличение, просто Россия сильно отставала от Европы и часто приходилось догонять, так как географическая близость к европейскому театру наглядно показывала, что отставать надолго — смерти подобно. Обширные пространства легко могли быть захвачены соседями. Часто повторяемая мысль М. В. Ломоносова, что мощь России должна прирастать Сибирью, весьма вероятно, не настолько оригинальна, а воспринята учеником от хороших учителей. Чем должна была прирастать Западная Европа, как не Восточной Европой для начала. Такая постановка вопроса содержится в трехтомнике Фернана Броделя. И она справедлива в том смысле, что всякая метрополия прирастает ойкуменой. Особенно индустриальное развитие рано или поздно наталкивается на необходимость иметь свои сырьевые источники.

США как пример стабильности порядков также не совсем справедлив. Вернее говорить о длительной эволюции рыночных отношений на территориях, где просветители считали, что «на голом месте» устанавливают новые принципы общественного развития, строят рай. То, что в итоге получилось открытое капиталистическое общество, естественно, но общество, содержащее и потенциалы борьбы, и демократического развития. Авторы об этом пишут так: «Но не развита социально-политическая свобода и задавлены открытые формы социально-классового противостояния...» (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 302). Подводя итог данному положению, отметим, что может быть лучше говорить об открытых и латентных формах развития. Во всяком случае,

США как пример стабильности не слишком показательны. Военно-экономический лидер, капиталистическая метрополия если и ведут к стабильности, то очень специфической, требующей собрать под единой оболочкой мировые оригинальности, разнородности. Итак, возможна и стабильность, но весьма специфическая.

О систематизации исторического процесса авторы пишут, что у Маркса мы находим: первобытнообщинный, азиатский, античный (то есть классически рабовладельческий), феодальный, капиталистический, таким образом, пять способов производства (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 217), то есть небольшое дополнение по сравнению с «классической пятичленкой» советской историографии. Это дополнение подхватил, из известных мне, Г.Н. Цаголов (2015. С. 747–748). Однако здесь нужны обоснования.

Во-первых, как говорил Швейк, иной мадьяр не так и виноват в том, что он мадьяр. Знаменитая пятичленка представляет собой концепцию, разработанную А. Сен-Симоном и доработанную его учениками. Преемственность в этом вопросе признавали К. Маркс и Ф. Энгельс. В самом деле, без особой методологии Сен-Симон выделил наиболее характерные и устойчивые социальные образования в Европе. Как описывал М.И. Туган-Барановский, их оказалось четыре до установления капиталистических порядков (включая их) и столько же — после. Если обобщить четыре последующие предсказательные формы в единую, то получается пять способов производства. Систематизация оказалась удобной для историков и простой для восприятия читающей публики, что тоже немаловажно.

Во-вторых, больше подходит под описание оригинального членения исторического процесса Марксом и Энгельсом деление его на три крупные эпохи, которые они называли не способами производства, а общественно-экономическими формациями. Таковых было выделено три: во-первых, докапиталистические, натуральные системы, во-вторых, товарные формы, высшей среди них выделяется капиталистическая, и, в-третьих, собственно коммунистические. Что также существенно, выделение осуществлялось Марксом и Энгельсом по собственности. Это естественно, поскольку к этому времени «Капитал» еще не был написан. Но принцип собственности поверхностен. Иначе говоря, это была гипотеза, нуждавшаяся в доказательствах, обосновании. Когда А.В. Бузгалин и А.И. Колганов описывают формы подрыва капиталистических форм, в основном исходя из обобществления производства, на деле они исходят из подрыва основы товарной формы — обособления производителей, на которой и выстроена система капитала у К. Маркса.

Как соотносятся способы производства и общественно-экономические формации, о которых авторы, безусловно, знают, в данной работе не конкретизировано, но построение таблицы, аналогичной менделеевской, где должны быть все возможные системные характеристики, в такой работе нуждается.

Представляет интерес и попытка выделить общие черты добуржуазной эксплуатационной системы, у которой нет названия (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 224–225). Однако в данном случае не очень понятно, какие из способов производства нужно включить в эту формацию. Понятно, что первобытнообщинная организация сюда не входит по определению: до ее разложения эксплуатации в ней не происходило. Более того, как показывают исследования минойской культуры, звание царя также было очень непочетно (несколько напоминает королевскую должность в раннем феодализме, когда крупные феодалы стремились возложить ее на худосочного дворянина, чтобы им было легче управлять). А вот с азиатским способом производства ясности нет — эксплуатация имеет место? Или это преимущественно организация общественных работ по созданию и поддержанию в нормальном состоянии плотин и каналов? В этом случае речь идет о протогосударстве, собственно государство появляется в связи с классовыми интересами.

Взаимосвязанный вопрос — определение содержания основного производственного отношения и основного экономического закона как личной зависимости (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 226–227). Дело в том, что личная зависимость — это форма. С экономической точки зрения — это «работа на ближнего», в отличие от товарной формы — «работы на дальнего». Понятно, что раб и крепостной крестьянин лично зависимы. Первый от своего хозяина, второй — от хозяина основного фактора производства, земли. Отрицание в общине личной зависимости может иметь лишь одно основание — отсутствие личностей в ней. Нет личности, нет и личной зависимости. Но это не аргумент. Члены общины были внутренне связаны с ней, и до появления городов и поселений исключение из нее представлялось им лишением гарантий существования. Натуральная форма — это общая форма, а личная феодальная зависимость — по сути та же натуральная форма

в развитом состоянии. А вот внеэкономическая эксплуатация — другое дело. Под нее подпадают и античность (разные формы рабовладения), и феодализм.

Авторы утверждают, что центры развития — социальные системы в наиболее чистом виде (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 230). Думаю, данное положение как минимум спорно. Даже с химической точки зрения не так, загрязненные элементы как раз легче вступают в химические реакции. Да и с общественной точки зрения можно взять для примера развитие городов (явно не пример чистой формы) в эпоху феодализма, отсюда вытекает, что и сочетания тоже могут стать центрами. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов дают факты по чистым формам. С их точки зрения, это Нидерланды, Великобритания, США, где новая рыночная система развивалась наиболее последовательно и в чистом виде — но это вряд ли пример чистых форм. Скорее сочетание новых форм и других — *на своей территории* (Япония, Тайвань, да и Англия: вытеснение общинников овцами дают разные уровни промышленного и сельскохозяйственного развития). США использовали систему рабства на части своей территории и т. д. Что исключительно важно — политическая поддержка новых форм. Но это не то же, что развитие в чистом виде. Новые порядки нуждаются в определенной поддержке — материальной, финансовой, информационной, как, например, открытие косого паруса для развития океанической цивилизации. Так, та же Англия использовала законодательное удлинение рабочего дня на мануфактурах, где производился военно-торговый флот, в значительной степени ощущая себя в островной изоляции...

Авторы считают, что для анализа современного состояния общества годится подход системно-генетический и не годится цивилизационный, критически представляя характеристики целостности обществ с пространственно-географических, религиозных позиций. Однако сам по себе цивилизационный подход, во-первых, продуктивен, на что в книге обращается внимание; во-вторых, не ограничивается перечисленными позициями. Так, с точки зрения географического подхода выделяются цивилизации речные, морские и океанические. Они определяют периоды, когда вместо того, чтобы быть препятствием в общественной жизни, прежде всего хозяйственной, эти пространства, виды среды становятся важнейшими транспортными средствами. Общество всегда проживает в известном пространстве. Следующие шаги человечества — воздушные, космические и подводные пространства. Подход к этим полям также продуктивен применительно к определению состояния обществ.

Кроме того, он давно предложен для анализа. Основатель социологии О. Конт предложил для характеристики пространственных территорий показатель плотности населения. Нет, это не показатель географической плотности — количества людей в расчете на площадь. Это другой показатель, дополняющий географическую плотность средствами транспорта и связи. Интересно, что К. Маркс в «Капитале» предлагает его использовать для оценки экономического состояния общества и утверждает, что в XIX веке плотность населения в США была намного выше, чем в Индии. Но это была экспертная оценка. Об экономической плотности населения в качестве важной его характеристики пишет Ф. Бродель (2007б. С. 90). Однако показательно, что марксисты оказались глухи к Марксу и продвижения по оценке обществ с этой позиции не было. Между тем без определенной плотности населения не было бы ни встреч родовых общин, что и обеспечило переход от эндогамии к экзогамии, ни дальнейшего развития общественного прогресса. Наконец, реальный прогресс общества должен оцениваться с демографических позиций, а дальнейший рост населения зависит от того, насколько человеческое общество способно перейти от современного океанического состояния к освоению космического пространства как среды обитания.

Но реально недостаточную плотность применительно к России, да и другим странам, приходилось компенсировать средствами концентрации и централизации производства. Так ведь необходимо, следовательно, ее уметь оценить, и не только для России, но и для других стран с догоняющей экономикой. А для развитых стран прагматически уже не нужно, у них и так эти показатели выше. Везде ли так? Нет. До сих пор дело обстояло так, что если встречается страна изначально и просто географически с очень высокой плотностью — ее необходимо ограничить другими средствами. Так ограничивала даже ремесленное производство тканей в Индии Англия в начале XIX века, примерно в это же время навязали торговлю опиумом Китаю, лишь бы не встретиться с ними в открытой экономической и информационной конкурентной борьбе.

Исключительно важно также, что суть современного информационного общества можно определить как увеличение социальной плотности населения на практике, то есть общения людей между собой. Опять же важно, что общение происходит не только с близкими, но и дальними, причем на первых порах общение с близкими реже носит деловой характер, тогда как общение

с дальними, напротив, чаще связано с общими делами, совсем не обязательно коммерческими. Мигранты общаются между собой чаще для компенсации потери родины. Впрочем, возможно, это субъективная оценка, требующая количественного определения.

Отсюда далеко до плотности экономической, связанной не только с информацией, но и реальной доставкой либо товаров, либо ресурсов, связанных с производством благ. Именно поэтому часто встречающееся в настоящее время определение экономики как информационной явно преждевременно. Доставка информации стала дешевле, но не доставка товаров.

В связи с анализом (не очень подробным, да это и не требуется в исследуемой теме) цивилизационных отношений авторы рассматривают и известные характеристики россиян — державны, соборны, коллективны и духовны — в качестве превратных форм общественного сознания (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 310). Отчасти соглашаясь с таким положением вещей, по крайней мере, у части интеллигенции, авторы ведут и критику положения о соборности. Оно факт, но не глубинной реальности, а превратного порядка. Если имеется в виду, что есть положения, которые светскими и церковными властями поддерживались, то с этим можно и нужно согласиться. Точно так же, как при советской власти поддерживалась коллективность. Коллективность не мешала тому, что на деле советские люди были очень обособлены, разобщены и индивидуалистичны. Одно дело идеология, другое — поддержка реальными общественными отношениями. Современная разобщенность появилась не вчера, а была заложена характером производства, распределения и потребления материальных благ в советский период. В самом деле, трудно поверить, что проживание в коммунальных квартирах служило фактором обобществления, а вот то, что задача держать общество под контролем тем самым облегчалась, более правдоподобно. В этом плане ссылка Л. Булавки на роль страха в вере современного россиянина уместна. Страх вообще сильный, если не решающий религиозный фактор. Поэтому чем больше в обществе насилия — «бить по голове», как писал в свое революционное время В.И. Ленин, — тем больше и «лучше» работают религиозные течения. Библия правдивая книга, и в ней так описывается первое привлечение в христианство: когда свободный человек Яков не хотел верить в Господа, тот сломал ему бедро, и Яков поверил. Через насилие. Любовь к Господу появляется потом, сейчас психологи называют подобные отношения стокгольмским синдромом.

В качестве дополнения к пространственному и культурологическому подходу авторы предлагают ряд параметров (их можно назвать инвариантами), характеризующих российскую цивилизацию, начиная от незавершенности буржуазной трансформации, в которой они усматривают целый ряд причин, отличающих российскую цивилизацию от иных. Можно согласиться с тем, что *отчасти* в этом состоит неопределенность российского социума. Как пример марксистского подхода авторы предлагают такое решение, что отсутствие социально-экономического пространства в форме единого рынка и государственного управления не дает сформироваться нации в полном смысле слова.

Однако правы и те исследователи, которые усматривают особенность российской специфики в условиях, существовавших более длительное время. Дело не только в российских исследованиях, например, Г.П. Федотова (2005), но и близкого к марксизму Ф. Броделя, усматривавшего основы менталитета в способе производства основных продуктов пропитания населения: риса — интенсивной сельскохозяйственной культуры например для Китая, требовавшей значительных трудовых усилий и агротехники, и пшеницы, культуры экстенсивной, для России, маниоки — для значительных территорий Африки (Бродель, 2007а. С. 121).

Продуктивным представляется и выделение авторами новых аспектов трудовой теории стоимости. В первом томе «Глобального капитала» ими доказывается, что феномены, отражаемые в теории предельной полезности, производительности и т. п., представляют собой завершение процесса восхождения от абстрактного к конкретному, доведенное до исследования превратных форм стоимости, обретаемых ею в условиях позднего капитализма. В исследовании показано, что эти теории адекватно отражают мнимое содержание, объективно созданное превратностью форм стоимости, многократно видоизменяющихся на протяжении историко-логической эволюции и представленных на поверхности явлений позднего капитализма во многих проявлениях по-другому, чем это было описано в начале «Капитала» К. Маркса.

Применительно к современной эксплуатации творческого труда в «Глобальном капитале» доказывается, что *эксплуатация творческого работника есть присвоение не столько созданной им прибавочной стоимости, сколько некоторой доли всеобщего творческого труда человечества, всеобщего культурного богатства, распределенного данным работником*. Присваивается данный

результат не [креативным] работником, а субъектом интеллектуальной собственности (корпорацией). Важное обстоятельство — он не имеет стоимости, но имеет некоторую цену, что позволяет собственнику корпорации получать т. н. *интеллектуальную ренту*. Подобное обоснование интеллектуальной ренты представляется теоретически новым, интересным подходом.

Систематическое рассмотрение отношений воспроизводства капитала позволило, как считают авторы, вывести *новую форму закона всеобщего капиталистического накопления*, показав, что мера противоположности капитала и наемного труда (и, в частности, социальной дифференциации) обратно пропорциональна энергии и эффективности социально-творческого противодействия подчинению капиталу со стороны труда (развитости рабочего движения, социализации экономики и т. п.). Вопросы к исследователям в данном случае есть.

Прежде всего, о формах закона всеобщего капиталистического накопления. Как известно, по Марксу, основной экономический закон капитализма, или закон всеобщего капиталистического накопления, имеет три основные формы проявления. Во-первых, относительное обнищание по сравнению с высшими слоями капиталистического общества. Вторая форма проявления заключается в абсолютном обнищании, которое происходит не непрерывно, а спорадически, в периоды обострения конкуренции, но особенно в периоды кризисов, когда происходит прямое ухудшение экономического положения по сравнению с прежним положением. Третья форма проявления закона относится к социальному положению пролетариата, а ухудшение положения пролетариата заключается в том, что возрастает его неустойчивость в системе общественного разделения труда. *Новая форма* представляет собой дополнение к трем формам, сформулированным автором «Капитала», или сменяет их тотально? Вопрос принципиальный, поскольку по этому критерию и следует оценивать, по-прежнему ли строй, переживаемый человечеством, — капитализм, или уже наступила иная социальная общность?

Мне представляется, что дело все-таки в некоторой идеализации авторами «Глобального капитала» скандинавской модели капитализма. В скандинавских странах наблюдается наименьшая дифференциация в доходах населения. Определенная дифференциация доходов в составе рабочего класса неизбежна, поскольку формирование более сложного труда требует затрат на обучение. И эти затраты в рыночной системе должны окупаться, и даже с некоторой премией, иначе материального интереса в повышении квалификации не будет.

Наконец, сама «периодическая система» авторов. Она выстроена по пяти параметрам: а) технологические уклады, б) способ координации, в) собственность, г) способ распределения дохода и др. социальные параметры, д) воспроизводство.

«Периодическая система», выстроенная по этим пяти параметрам, упрощенная (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 327). Можно отметить, что получилось слишком много промежуточных состояний. Видно, что их пришлось включить с целью приближения к историческому процессу. И получилась «система переходных состояний», а цель-то была отразить устоявшиеся формы. Кроме того, интересно, что у Д.И. Менделеева возрастание атомных весов, которое, как выяснили позднее, отражает рост массы атомного ядра и количества электронных оболочек, ведет к усложнению элементов с ростом атомного веса, общей неустойчивости и территорий с относительно стабильными состояниями и т. д. Иначе говоря, методология менделеевской системы была создана значительно позже. То, что система Менделеева при всей изначальной простоте содержит потенциал раскрытия, выяснилось позднее, но интересное замечание напрашивается: не следует чрезмерно усложнять схему исторического процесса. Понятно, что авторы к ней привыкли и сложностей не замечают.

Однако рассмотрение общей системы вызывает вопросы и содержательного плана (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 337). Выделение мутаций в историческом процессе неминуемо носит идеологический характер. А его следует избегать именно в формально выстроенных схемах. Дело даже не в том, что рядом исследователей иных направлений такого рода схемы будут отторгаться, они оказываются сложными для применения. Схема А. Сен-Симона была проста для применения, поэтому до сих пор используется не только профессиональными историками, но и школьными программами по истории. Правда, еще раз подчеркнем, что практика историков отбросила четыре этапа истории, касающейся будущего. Они были людьми прагматичными, без нужды существней не удваивали.

И еще повторим то же самое замечание, что было отмечено в отношении к упрощенной схеме авторов: очень много переходных и мутантных состояний, причем как положительных мутаций, так и отрицательных. У исследователей есть свои пристрастия, но и у читателей они тоже име-

ются. Но хуже на самом деле другое: мутация — это отклонение от нормы в результате *внешнего воздействия*.

Авторы конкретизируют, что они понимают под мутациями: «...можно предположить, что и попытки прорыва к посткапиталистической экономике и обществу, предпринятые в СССР и других странах «мировой социалистической системы», могут быть расценены как своего рода мутации социалистического строительства (а что до ГУЛАГов, то и Италия XIV–XVI веков была странством самой чудовищной инквизиции и постоянных гражданских и междуусобных войн).

Соответственно, противоположный вариант — регрессивные мутации — оказывается связан с консервацией отсталых (по отношению к достигнутому уровню экономического развития) экономических отношений (пример — сохранение позднефеодальных отношений в России вплоть до середины XIX века, а их пережитков — еще и в XX в., и, как следствие, формирование «военно-феодального империализма» — крайне противоречивой, неустойчивой, «мутантной» системы, не случайно ставшей родиной Октябрьской революции)» (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 332). И далее в сноске: «Под мутантным социализмом нами понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму; это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму». Имея в виду и понятие регресса у авторов, можно принять, что развиваются новые институциональные формы, более или менее развитые, но в среднем сохраняется средний уровень — как общеэкономический закон. Такая связь с институциональными отношениями у авторов не прослеживается, они употребляют понятие «превратные формы».

Авторы считают, что если бы Маркс отобразил в «Капитале» превратные формы, то у него получилось бы нечто похожее на экономикс. По этому поводу можно заметить, что это вряд ли, во-первых, это особое искусство, связать теорию предельного потребления с теориями производства, как это сделал А. Маршалл; во-вторых, в экономикс заложены основы теории управления (точнее, организационных отношений), а Маркс считал, что капиталистическая экономика — система, расколотая классовыми интересами, поэтому принципиально неуправляема, и даже о совокупном общественном продукте, по этой причине, при капитализме говорить неуместно.

Говоря о различии методов политической экономии и экономикс, авторы отмечают (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 366), что исследование для политической экономии — общественная практика, а для экономикс — «прежде всего позитивное, верифицируемое моделирование (как правило, математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и *регулирующих воздействий* (курсив мой. — А. Д.)». Можно отметить еще один аспект позитивного. Все исследование экономикс делит на позитивное (объективный анализ) и нормативное (как должно быть — для общества, для фирмы и т. д.). Но этот аспект делает понятным, что экономикс действительно интересуют основы управления, при этом действительно должны учитываться и предубеждения управляющих, как бы ненаучно они ни выглядели. Экономикс задает раздел основ экономической политики, в этом плане он практичен. Другое дело, что первым шагом в основах управления капиталистической (рыночной) экономикой было восхищение ее устройством и вывод, что лучше всего не вмешиваться в работу этого совершенного механизма. Лишь позднее появляется «буржуазный Маркс» — Дж. М. Кейнс, но за исправление производственной структуры он возьмется не раньше, чем обнаружит, что без вмешательства пациент — буржуазное общество — скоро умрет.

Авторы отмечают, что в рамках классической политической экономии и неоклассического подхода (экономикс) некоторые параметры социально-экономического бытия человека трактуются сходно. Так, в трактовке свободы человека при капитализме обе школы отмечают, что человек свободно осуществляет выбор. В марксизме свобода рыночного человека есть обособленность производителей, то есть независимость от других экономических агентов, «негативная свобода». В марксистской и классической школе у свободы есть материальные ограничения — платежеспособный спрос, в экономикс он определен как «бюджетное ограничение». Безусловно, это справедливо, как и то, что при капитализме труд — средство к жизни, или, как фиксируется в экономикс, — антиблаго. Человека ведь надо заставить трудиться, удовольствия в рыночной экономике он доставлять не должен.

Можно согласиться и с утверждением авторов, что «*Существуют качественно различные типы рационального поведения человека, характерные для разных социально-экономических систем и*

представителей разных страт» (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 369–370). Но последовательное проведение данного положения приводит нас к выводу, что *многоукладность экономики — характерная черта всех конкретных экономик*, а не только докапиталистических способов производства. Впрочем, это лишь подтверждение ранее сделанного вывода.

В «Глобальном капитале» критика экономикс ведется с тех позиций, что эта дисциплина на новые факты реагирует по трем пунктам: во-первых, новые формы якобы выходят за рамки стандартного курса; во-вторых, эти изменения включаются в стандартную теорию с некоторыми фрагментарными уточнениями и допущениями и, в-третьих, объявляются новым направлением все того же экономикса (например, от «экономики счастья» остается только нейтральный математический аппарат, применяемый к решению любых задач любой экономики (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 380–381).

В данном случае критика ведется авторами по пункту, что не учитываются качественные исторические сдвиги. Это, безусловно, верно, но при условии, что экономикс — вариант такой же идеологической теории, как политическая экономия (мелкобуржуазная, олигархическая, крупного капитала и т. д.). Таким образом, доказывается, что экономикс недостаточен по отношению к новым явлениям. Но применительно к основам теории управления (если признать правильность заявления А. Маршалла: экономикс — не политическая экономия) такое верно лишь в том плане, что управление в каждом из этих направлений односторонне: индивидуалистическая экономикс англо-американской школы не воспринимала и отказывалась понимать, что можно управлять и корпоративными методами, не разрушая рыночной, капиталистической экономики в целом. С авторами можно согласиться, что «экономикс мало пригоден для анализа глобальной социально-экономической системы» (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 386), но он брался за эту задачу не в произведении А. Маршалла, а в стандартных курсах, где после описания рыночной экономики и ведения хозяйства в ее рамках давались также сравнительные системы — плановая, командная экономика. Иначе говоря, экономикс выполняет идеологическую функцию в нагрузку к основной, это не политическая экономия, но готова ею если не быть, то заменить политическую экономию и в этом качестве. Кстати, определенные требования к практичности политической экономии социализма также имели место. Г.Х. Попов пишет, что от политикоэкономов школы Н.А. Цаголова выводов о том, как руководить страной, было мало¹. Но это требование означало простую вещь — повернуться лицом к управлению производством, сейчас мы понимаем, стать чем-то вроде экономикс.

В целях совершенствования учебного процесса авторы дают следующие рекомендации к преподаванию экономикс: в экономических вузах обязательно преподавать эту дисциплину с методологическими и теоретическими основами (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 392). Более реалистическим представляется другое предложение Бузгалина и Колганова — давать полипарадигмальное преподавание экономической теории, включая курсы: 1) «классической политической экономии», 2) «постклассической политической экономии», 3) введения в компаративистику (сравнительный анализ экономических систем), 4) теории социально-экономических трансформаций 5) в рамках теоретических семинаров старшеклассникам бакалавриата и магистратуры предложить методологию экономической теории, соотношение и потенциал различных экономических теорий, глобальную экономику знаний (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 392–395). Дополнять курс неорганическими элементами, как в первом случае, не лучший метод правильного устройства в голове у студента.

Трудно согласиться и с утверждением, что «рабочая сила стала по преимуществу товаром во многих странах Европы лишь в конце XIX века (а в России — только в XXI веке, может быть, станет), а до этого господствовали различные переходные формы» (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 402). Но это нонсенс. Весь XX век рабочие получают заработную плату — а рабочая сила товаром не является. Или госкапитализм не относится к капиталистической системе? Пусть даже с мутациями и т. д. С политической точки зрения необходимо рассматривать систему госкапитализма, кроме прочего, в увязке с революционными и контрреволюционными процессами. Конец революции означает, что трудящиеся классы опять попадают в прежнее состояние эксплуатируемых масс. Переходные формы всегда составляют основную массу, но это не основание, чтобы нельзя было вывести общую составляющую. Не среднюю температуру комнаты, а соотношение ведущих укладов и социальных классов и страт.

¹ См. Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Судьба политической экономии и ее советского классика. — М., 2004. — С. 385.

В выделении пострыночных и посткапиталистических отношений авторы проявляют большую проницательность, отмечая, например, жизнедеятельность «экономики солидарности», включающей, в частности, деятельность «социальных» (ориентированных не на извлечение прибыли) предприятий (до 10 % рабочей силы Евросоюза), в частности, ряда коллективных предприятий, кооперативов и т. п. (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 407) и ряда других форм. При этом авторы пишут, что «за формой государственной собственности скрывается область новых экономических отношений, возникающая там и тогда, где и когда государство действует не как особый „сверхкапитал“ или „всеобщий частный собственник“ (К. Маркс), а как действительный представитель общенациональных интересов» (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 411). Авторы выделяют среди новых форм и то, что «государство ограничивает права частного собственника в области распоряжения и использования его собственного имущества», — этот факт в специальных исследованиях отображается, но теоретически редко оценивается. Пласт отношений по сознательному регулированию содержится в блоке социальных параметров экономики (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 412–413) и т. д.

Но отсюда вытекает амбивалентность современной собственности и государственной деятельности. В благоприятных условиях они проявляют себя как элементы будущих порядков, но могут и чаще выражают «старую» сущность.

Заслуживает поддержки и выступление против квантифицируемости *a la* В.М. Полтерович. Авторы против чистой эмпирики, формальной логики и математики, обязательного представления результата в виде математизированного языка (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 419–420). Если «экономический империализм» настаивает на том, что в общественных науках надо научиться всем считать, то авторы ставят задачу прямо противоположную: ввести в поле общественных наук и то, что нельзя сосчитать. Заметим, что это старый разговор. С.С. Дзарасов писал о том, что на этой почве в свое время произошли разногласия между А.И. Ноткиным и Н.А. Цаголовым. Политическая экономия — это не обработка статистики, а получение и переработка новой информации, выявление системных характеристик общества¹.

Авторы «Глобального капитала» так излагают основные тезисы марксизма В.И. Ленина и А. Грамши: это «диалектика обратимости». *История (как социальный прогресс, но не как сцепление событий) оказывается обратима (и с этой точки зрения она имеет сослагательное наклонение). Человек как родовое социально-творческое существо (в конкретных обществах эту нашу — «общечеловеческую» — роль могут выполнять различные социальные силы) обладает (в рамках некоторых объективных ограничений) возможностью (1) выбора путей исторического развития и (2) изменения истории, предотвращения (и, в некотором смысле, — исправления) исторических ошибок и преступлений.* Речь идет о социальных мутациях — фашизм, сталинские мутации — ответственность за них лежит на всех социальных революционерах (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 448–449). Данное положение можно охарактеризовать и как возложение ответственности за контрреволюцию на революционеров — не предотвратили, а может быть, и братья не надо было?

Не все так просто. Что превращает эту возможность в действительность? В познании свободы второе дополнение сделанного выше вывода: «Социальное освобождение предполагает наличие социального субъекта, способного сознательно воздействовать на случайные исторические процессы». И, в итоге, по мнению авторов, субъект, способный изменять случайности в истории, это: 1) ассоциированное социальное творчество и 2) сознательно действующий субъект (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 450). Под ассоциацией в данном случае понимается не только в данный момент действующие совместно революционеры, но и совместность действия людей, живущих в разные исторические эпохи. Никаким другим образом исправить сделанные ранее ошибки невозможно. Если еще и вспомнить, что Маркс писал для пролетариев, но не для всяких, а для сознательных, как Дицген, то есть тех, кто смог самостоятельно вырасти от рабочего до философа, пишущего книги, то требования к актерам исторических процессов оказываются значительными.

Однако здесь есть, видимо, своя мера. Так, авторы отмечают, что А. Грамши вообще считал, что левая партия должна выполнять роль пролетарской интеллигенции. Опыт показал, что это чрезмерное упрощение, ведущее к вырождению социалистических тенденций (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 463).

Безусловно, представляет интерес рассуждение в «Глобальном капитале» о нелинейности исторического времени. Общественное развитие нелинейно, есть возможности прогрессив-

¹ См.: Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Указ. соч.

но-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но есть и реверсивные общественные процессы — контрреволюции и контрреформы. Реверсивное течение исторического времени характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) и маятник исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения (колебания маятника) (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 476). Можно сказать и проще, ошибки революционеров чреватые контрреволюцией. А делают революции не те идеальные фигуры, о которых шла речь выше, а подручный материал истории. И вопрос поэтому не последний и совсем не праздный — об обучении практиков. Причем безотносительно к тому, в какой форме осуществляется государственная практика, обучение чиновников управленческой (организационной) и содержательной деятельности становится требованием современного этапа развития.

Важное место в системе «Глобального капитала» занимает вопрос о сути революции — в диалектике освобождения и разрушения. *Мера соотношения показывает действительную прогрессивность (или реакционность, то есть, по сути, контрреволюционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований* (Бузгалин, Колганов, 2018а. С. 502). Применительно к реальным событиям в XX веке авторы отмечают, что социалистическая революция в России (вместе с революциями в Германии и др.) стала условием прекращения Первой мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же «военно-феодального империализма». Необходимо здесь сделать коррекцию: если насчет Первой мировой войны справедливо, то по поводу «военно-феодального империализма» спорно. Во-первых, был ли таковым строй в России? Во-вторых, с точки зрения А. Авторханова, он и не изменился, просто во главе его встали бывшие революционеры.

О перерождении революций авторы книги не забывают: в то же время всякая социальная революция в рамках «царства необходимости», начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения... Если сформулировать кратко, то можно сказать, что революции всегда заканчивались контрреволюциями. Однако в рамках «царства необходимости» только революция делает «простого» человека творцом.

На этом в основном заканчивается первый том «Глобального капитала», что логично, второй том с этого начинается, а именно, с определения современного этапа развития государственно-монополистического капитализма.

Должен заметить в этой связи, что, как ни странно, теоретическая часть работы вызвала значительно меньше разногласия с авторами. Может быть, потому, что в центре внимания находился капитал, а его сущность и формы движения в преподавании политической экономии в советское время были раскрыты достаточно объективно.

Тем не менее, некоторые замечания есть и по теории. Так, в работе представлена таблица качественных изменений экономической системы позднего капитализма, где выделены следующие блоки (этапы) ее эволюции: классический капитализм (XVIII–XIX вв.), империализм (конец XIX — первая половина XX в.), социал-реформизм (50–70-е гг. XX в.), неолиберализм (с 80-х гг. XX в.) (Бузгалин, Колганов, 2018б. С. 23). Уже здесь представлена смесь объективных характеристик (первые две) и социально-политических особенностей. Я понимаю, что авторы хотели отразить такую объективную черту, как воздействие идеологии на общественные процессы, появление планомерности на национальном и интернациональном уровнях, но неоднородность этапов и появление субъективных оснований делают матрицу не очень интересной. При этом авторы хорошо знают, что нельзя соединять признаки млекопитающих и половой щетки, но здесь именно так.

Резюмируя положение о нелинейном характере исторического времени, авторы вводят положение о необходимости приоритетного развития I подразделения новой экономики — образования — как сферы «производства» творческого потенциала человека, являющегося главным источником прогресса в XXI веке. Тезис очень серьезный, сравнимый с положением о примате I подразделения общественного производства при капитализме. Тут следует иметь в виду то обстоятельство, что капитализм создавал и шел под парусами индустриализации — эпохи угля и стали, отсюда и приоритетное развитие первого подразделения. Пока что можно сказать, что идея А.В. Бузгалина и А.И. Колганова представляет собою гипотезу, не более того. Связать ее с информационной экономикой и показать, что это ее требование, а не идеологическое, было бы, как мне представляется, уместно. И означало бы переход от гипотез к фактам и законам.

Нельзя не сказать, причем в положительном контексте о постановке вопроса об угрозах обществу со стороны государственно-монополистического капитализма войнами, ведущими к саморазрушению общества, и предостережении В.И. Ленина, что тенденции к ультраимпериализму прервутся социальными революциями. В этой связи следует отметить, что социальная революция в России дала делу мира как минимум два «подарка». Во-первых, как мы знаем, была попытка обращения по сути через головы правящих элит к народам. В самом начале революции 1917 года такую попытку предприняло советское правительство с Декретом о мире, где предлагалось всем воюющим государствам заключить перемирие и начать мирные переговоры. В тех условиях представители воюющих государств игнорировали это предложение. Тогда это был идеализм полного абсурда, что проявилось и в Брест-Литовске, где заключался мир с центральными державами (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией). Вторая попытка случилась в конце 80-х годов XX века, и в 1990 году за снижение напряженности в мире М.С. Горбачев получил Нобелевскую премию мира. Рухнул Варшавский договор, причина создания, как объявлялось, системы НАТО, но сама система сохранялась, а в дальнейшем она только расширялась. Таким образом, можно отметить современное состояние ценностей мира: есть поддержка народов, но военные элиты способны их заболтать. Еще Наполеон Бонапарт знал, что СМИ — сильное оружие в умелых руках.

Однако остается открытым вопрос о том, что возможность ситуации, когда капитал будет нести угрозы существованию всего человечества, предвиделась классиками марксизма, и рекомендация революционерам заключалась в том, что придется сдать позиции ради сохранения мира на Земле. Об этих предостережениях, как грамотный философ, видимо, знала Р.М. Горбачева, и таким образом, возможно, принятое решение о сдаче мировой системы социализма (факт) имело еще один аргумент, теоретический. Но тут мы находимся в области не фактов, а предположений.

Оба тома «Глобального капитала» снабжены огромным библиографическим материалом, позволяющим ориентироваться в представленных проблемах. Будущим исследователям глобального капитала в нашей стране обойтись без данного двухтомника будет невозможно.

Список источников

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. — Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2007а.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. — Т. 2. Игры обмена. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2007б.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. — Т. 1. Методология. — 4-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2018а.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. — Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). — 4-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2018б.
- Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г.* Судьба политической экономии и ее советского классика. — М., 2004.
- Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. — М.: Политиздат, 1974.
- Ильенков Э. В.* Истоки мышления. Диалектика идеального. — М., 2012.
- Курс политической экономии: в 2-х томах. — Т. I. Досоциалистические способы производства / под ред. Н. А. Цаголова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономика, 1973.
- Курс политической экономии: в 2-х томах. — Т. II. Социализм / под ред. Н. А. Цаголова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономика, 1974.
- Розенберг Д. И.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса / под ред. Н. А. Цаголова. — М.: Экономика, 1983.
- Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. — М.: «ДАРЪ», 2005.
- Хессин Н. В.* Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. — М.: Изд-во МГУ, 1964.
- Цаголов Г. Н.* Путь к счастливой жизни. — М.: 2015.
- Цаголов Н. А.* Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. — М., 1956.

Информация об авторе

Деленян Арут Андроникович — кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация, e-mail: delenyan@econ.msu.ru).